

2018 г., создав рыночную структуру на основе платформы коротких видеоголовок и инкубируя Drama TV. За последние два года канал развлечений Хунань MCN снова занял первое место в рейтинге китайской радио и телеиндустрии с фан-базой более 200 миллионов [4, с. 31].

Рост формата MCN заслуживает внимания традиционных СМИ в переходный трансформационный период. Большинство традиционных средств массовой информации, которые изо всех сил пытаются найти путь к интеграции средств массовой информации, могут не иметь достаточно сил для создания платформы приложений национального уровня. Однако развертывание MCN, выбор вертикальной дорожки контента, соответствующей его собственным ресурсам, и превращение в конкурентоспособного поставщика контента в отраслевой цепочке – обязательный путь для интеграции медиа.

Библиографические ссылки

1. Отчет Iimedia. Отчет о мониторинге больших данных и исследованиях тенденций в работе китайских MCN в 2020–2021 гг. / Центр отчетов iimedia [Электронный ресурс]. URL: <https://report.iimedia.cn/repo1-0/38986.html> (дата обращения: 10.06.2020).
2. Ли Юэ, Ши Ифань. Изучение способа вещания и короткая видеозапись TV MCN с брендированными программами. [J]. Аудиовизуальная индустрия, 2020 (02): 12–17.
3. Тан Жуйфэн. Отчет об исследовании MCN по радио и телевидению. [J]. TV Guide, 2020 (08): 20–23.
4. Тан Жуйфэн. Интервью с директором ТВ канала Хунань Ли Чжихуа. [J]. TV Guide, 2020 (08): 30–31.

КРИЗИС КАК ПЕРМАНЕНТНОЕ СОСТОЯНИЕ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ян Чжи

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь,
497384292@qq.com*

Очерчен драматизм истории журналистского образования в СССР. Сделан вывод, что современное кризисное состояние подготовки журналистских кадров берет начало в 1990-х годах, а конвергентная составляющая кризиса – черта нашего времени, не более и не менее острая, чем все другие

перипетии и драмы истории подготовки специалистов журналистики. Предложен возможный выход из современного кризиса – повышенное внимание к гуманитарной составляющей негуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: история журналистского образования; кризис; гуманитарология

CRISIS AS A PERMANENT PHENOMENON IN JOURNALISM EDUCATION

Ian Chzhi

*Belarusian State University,
9, Kalvariyskaya Str., 220004, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: Ian Chzhi (497384292@qq.com)*

Ane crisis in journalism education must be viewed as a permanent phenomenon. The actual crisis of «universalism» in journalistic work may be supervised from the point of view of «humanology», that is to say – a high humanistic vision of digital technologies.

Key words: history of journalism education; crisis; humanology.

Цифровизация и, соответственно, жесткая форматизация медиасферы поставили нас лицом к лицу с вопросом о статусе журналистской профессии. Это будет мастерство или ремесленничество, творчество или автоматизм, активная гражданская позиция или тотальная ее аморфность? Кто, какие люди будут создавать инфопродукт третьего тысячелетия: зрелые интеллектуалы или «поколение стекла и пальца» со всеми вытекающими последствиями ограниченной мелкой моторики и отсутствия навыка концентрации, анализа, про- и переживания информации, созданной в виде того, что сегодня мы называем «лонгрид» и мыслим его как важный, но проблематичный с точки зрения «дочитывания» формат? Между тем, «лонгрид» – это и, к примеру, классические литературные тексты, и «текст» под названием История, и разного рода теории (социальные, политические, экономические, философские...), без чего немислимо формирование специалиста и индивида; наконец, это просто учебный материал в формате раздела, темы, параграфа учебных изданий. Как быть с их «дочитыванием» и усвоением, раз это проблематичный лонгрид?

Это одна сторона современного кризиса образования, и не только журналистского. «Чисто журналистская» проблема – требование «универсализма». Допустим, что стены журфака покидает интеллигент и гражданин с больших букв этих понятий и сталкивается на практике с непосильной, прежде всего в эмоциональном смысле, задачей: «найди – отпишись – засними – размести – отследи – пропиарь – дальше отслеживай – делай следующее» – и снова по кругу? Единственное спасение – найти свою нишу в цепочке «универсальности», но на практике это удается меньшинству, и с каждым годом все меньшему. На долю большинства остается либо эмоциональное выгорание, либо сознательная экономия ментальных и физических ресурсов, что на выходе дает нивелирование личностных и профессиональных качеств, какими бы высокими они ни были изначально.

Начиная искать выход из этого тупика, стоит взглянуть на историю профессионального журналистского образования (ЖО). Ему немногим более 100 лет, в России – 115 («Научные и практические курсы по журналистике» созданы в Москве в 1905 г. и закрыты через 9 месяцев из-за революции). За относительно короткую историю (большинство профессий гораздо раньше обзавелось специальными школами) ЖО пережило не один и не два кризиса, и выход из них современники искали так же напряженно, как мы – из нашего.

ЖО и порождено было кризисом. Изданий стало больше в разы: к середине 1890-х – в 6 раз в сравнении с 1860 г. [1, с. 12], в то время как специалистов больше не стало, да и они – более или менее опытные дилетанты. Назовем этот кризис функциональным – ввиду отсутствия профессиональной функции «журналист». Не успел он разрешиться, как с учреждением советского ЖО в 1919 г. на него сразу наложился кризис малограмотности – ввиду состава тех, кого призвали тогда в журналистику (принципиально – выходцев из рабоче-крестьянской среды, умеющих читать и писать). Не спас ситуацию и созданный с целью подготовки руководителей редакций московский ГИЖ (1924): «Несмотря на то, что поступающие в ГИЖ были достаточно мотивированы в плане профессиональной карьеры и советского строительства, они были все равно малограмотны, по причине исторического кризиса в стране» [1, с. 26]. На протяжении нескольких лет проблему удалось решить усиленным изучением предметов общеобразовательного цикла.

Когда к концу 1920-х гг. в стране сложилось то, что можно назвать системой ЖО (1 вуз, 8 отделений и факультетов при университетах

страны, ряд техникумов, заочные и вечерние курсы), «ситуация с формированием «журналистского корпуса» не только не облегчилась, но, наоборот, усложнилась» [1, с. 36]. Причины: а) форсированная индустриализация (в ней ведь нужно было разбираться), б) перестройка печати (вместо социально-классовой типологии прессы – газеты «общедоступного» плана), в) рост числа изданий (за пятилетку 1929–1934 гг. планировалось увеличение от 955 до 9700 газет). Исходный кризис нехватки кадров вернулся на круги своя – на этот раз назовем его кризисом непрофессионализма, поскольку вакансии многочисленных изданий были только на 10 % закрыты специалистами [1, с. 39].

Неимоверный рост числа газет – вызов и профессиональной (качественной) журналистике, ведь они создавались как массивный идеологический фронт, должный тотально охватить страну и не столько информировать общественность, сколько «направлять» ее в нужное русло. Идеологический кризис (меньше информации, больше идеологии) совпал с репрессивным: в 1930–1931 гг. почти 80 % сотрудников московского ГИЖа оказались тем или иным образом «устранено» за недостаточное рвение об интересах партии и народа.

И это только одна сторона профессионального кризиса журналистики и ЖО 1930-х гг., с начала которых курс был взят на укомплектование кадрами многочисленных новых районных газет. «Журналисты широкого диапазона <им> не требовались... Нужны были сотрудники, способные компетентно освещать проблемы... в рамках самих районов, вести... «недели», смотры, политические и... хозяйственные кампании» [1, с. 40]. Тщательно создаваемый ранее учебный план пришлось срочно сокращать – естественно, за счет общеобразовательных курсов, а также журналистских дисциплин: их из 9 осталось 3 (1/6 учебного времени). Это касалось «усовершенствования» подготовки рядовых работников. Руководящим кадрам надлежало отныне готовиться не в специализированных учреждениях, а в разного рода закрытых партшколах [1, с. 47–48] – жесткий кризис «разрыва» журналистской деятельности по вертикали.

До начала ВОВ все имевшиеся институты журналистики (6 КИЖей и Ленинградский ГИЖ) успели перейти на четырехлетнюю систему обучения, что в условиях относительной стабилизации системы ЖО 1950–1980-х позволило, несмотря на издержки идеологического плана, выйти на очень высокий уровень профессионализма и статуса. Действовала «смешанная модель» академической и практико-

ориентированной подготовки с преобладанием элементов первой [2, с. 1–2]. С принятием «Закона о печати и других средствах массовой информации» (1990), предусматривающего всестороннюю диверсификацию СМИ, в 1990-е гг. снова потребовалось больше кадров и больше практиков.

Учитывая, что с того времени проблема не переставала обсуждаться, можно сказать, что современный кризис ЖО есть, по сути, затянувшийся и отягощенный универсализмом конвергенции кризис 1990-х. То журналистов мало, то слишком много, то они оторванные от практики, то – от традиции, духовности, культуры... При сохранении достигнутого за длительное время и с огромным трудом относительного равновесия «академизма» и «практики» выходом может стать принципиальное внимание к «гуманологической» (М. Эпштейн) [3, с. 84–89] составляющей практических дисциплин современной журналистики, другими словами – к гуманистическому потенциалу негуманитарной сферы, в данном случае и на данный момент – цифровой.

Библиографические ссылки

1. *Талавов В. П.* Журналистское образование в СССР. Л. : Ленингр. ун-т, 1990. 58 с.
2. *Фатеева И. А.* Практико-ориентированное обучение журналистике: традиции и перспективы // Медиаскоп. Вып. 1. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/82> (дата обращения: 04.09.2020).
3. *Эпштейн М. Н.* Проективный словарь: Новые термины и понятия // под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2003. 512 с.